

УДК 94(470)

А.Н. Лентиков

**РОССИЙСКАЯ ШКОЛА
«ВОЗРОЖДЕННОГО ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА»
О СУТИ И СОДЕРЖАНИИ
ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДОКТРИНЫ**

В статье по трудам представителей российской школы «возрожденного естественного права» исследуются проблемы влияния идейного наследия просветителей на политику права в революционную эпоху, прослеживается путь формирования и установления политического консенсуса по доктринальным вопросам организации власти в годы Великой французской революции, а также выявить те политико-правовые решения революционной эпохи, которые стали основополагающими при организации власти в современных государствах. Выявляются и анализируются теоретические предпосылки возникновения борьбы за власть в системе государственных органов революционной Франции. Исследуется связь между национальным объединением, народным суверенитетом и народным представительством. Поднимается проблема взаимообусловленности и конфликта основополагающих принципов демократии.

Великая французская революция, народный суверенитет, национальное объединение, права и свободы человека, теория народного представительства, формы и способы волеизъявления.

Наиболее критические споры по вопросам соприкосновения и взаимовлияния теории и практики права и политики в дореволюционной России возникали между представителями школы «возрожденного естественного права» и историками «русской школы». Самым симптоматичным примером расхождений во взглядах были научные дискурсы о сути и содержании французской революционной доктрины¹.

В статье анализируются взгляды В.М. Гессена, Б.А. Кистяковского, С.А. Котляревского, П.И. Новгородцева и Е.Н. Трубецкого относительно базовых принципов французской революционной доктрины, составляющие идейное основание организации власти в современных государствах. Вместе с тем мы можем определенно утверждать, что обозначенные проблемы, как и взгляды представителей российской школы «возрожденного естественного права» на суть и содержание французской революционной доктрины, не были до сих пор критически переосмыслены отечественной исторической наукой. К сожалению, в современных исторических трудах нет ни одного упоминания работ представителей российской школы «возрожденного естественного права». До сих пор, касаясь вопроса

¹ Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. М., 1909. С. 67–68 ; Кистяковский Б.А. Избранное : в 2 ч. Ч. 2. М. : РОССПЭН, 2010. С. 111–113.

о дореволюционной российской историографии, исследователи вполне осознанно концентрируют свое внимание исключительно на трудах маститых историков «русской школы», что прослеживается, например, в работах А.В. Гордона² и А.В. Чудинова³.

Исходя из предположения, что в революционную эпоху население Франции отдавало предпочтение «демократическим формам и республиканскому образу правления», П.И. Новгородцев поставил в центр своего научно-исследовательского интереса проблему установления во Франции «представительной республики»⁴. Затрагивая вопрос о влиянии идей Ш.-Л. Монтескье на взгляды политической элиты французского общества в конце XVIII века, он писал, что «последователи Монтескье шли даже далее своего учителя в том отношении, что требовали ещё более строгого разделения законодательной власти и исполнительной»⁵. Как историк права, он небезосновательно предполагал, что «в Учредительном собрании 1789 г. большинство членов стоит за английские порядки»⁶, и справедливо замечал, что «такого обособления властей, какое рисовал в своем «Духе законов» Монтескье, списывая их как будто бы с английского оригинала, на самом деле в Англии не было»⁷. Вместе с тем П.И. Новгородцев акцентировал внимание на том факте, что, даже «расходясь между собою и Монтескье в частности, все они были согласны в преклонении пред английской конституцией и в признании разделения властей за существеннейшую черту»⁸.

Развивая свою мысль, историк сделал следующее замечание: «власть должна быть не только разделена, но и обособлена одна от другой; в этом смысле поняли учение Монтескье и современники; но потом, когда явились писатели конституционного периода Франции, они истолковали этот принцип разделения властей несколько иначе. Так, Мабли, один из французских писателей XVIII века, не соглашался с тем, что порядок, существующий в Англии, образцовый, так как в нем есть, по его мнению, один крупный недостаток, который противоречит принципу разделения власти, именно — право короля созывать и распускать парламент. Поэтому Мабли требует, чтобы это право было отнято у короля»⁹. В итоге «Национальное собрание поступило по совету Мабли и провело принцип разделения властей в той строгой форме, в которой он требовал. Оно признало за палатами право расходиться и собираться независимо от воли короля и постановлять действительные законы помимо его согласия. Так именно была построена конституция 1791 г. И затем позднейшая, так называемая консульская, конституция VIII года республики»¹⁰.

² Гордон А.В. Великая французская революция в советской историографии. М. : Наука, 2009. С. 13–15, 27.

³ Чудинов А.В. Французская революция: история и мифы. М. : Наука, 2007. С. 15–24.

⁴ Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. С. 80–81.

⁵ Новгородцев П.И. Учения Нового времени XVI–XVIII вв. / изд. магазина «Книжное дело». М., 1904. С. 174.

⁶ Там же. С. 173.

⁷ Там же. С. 174.

⁸ Там же. С. 173–174.

⁹ Новгородцев П.И. Конспект к лекциям по истории философии права. М., 1908. С. 154.

¹⁰ Новгородцев П.И. Учения Нового времени XVI–XVIII вв. С. 174.

Однако, по мнению П.И. Новгородцева, «в обоих случаях опыт показал всю непрактичность полного обособления властей. Каждый раз между законодательной и исполнительной властями, лишенными возможности законного воздействия друг на друга, устанавливались враждебные отношения, которые в первом случае окончились уничтожением королевской власти, а во втором — победой исполнительной власти над законодательным корпусом, что привело к установлению наполеоновского режима»¹¹. Из этих положений можно заключить, что в результате столь строгого обособления исполнительной и законодательной властей неизбежен конфликт интересов, провоцирующий борьбу за власть между государственными органами. При этом нужно учитывать, что в обоих приведенных случаях борьба за власть велась не правовыми способами и средствами. К тому же эти два примера служат еще одним убедительным доказательством несводимости теории и практики в чистом виде.

П.И. Новгородцев замечал, что «Монтескьё просмотрел тот факт, что английские министры избираются из среды парламентского большинства, они могут играть активную роль, не подвергаясь опасности постоянных препятствий со стороны парламента»¹². Ведь «здесь не только нет обособления и разделения власти в смысле Монтескьё, а, напротив, существует прямая связь между законодательной и исполнительной властью»¹³. По этой причине автор работы «Учения Нового времени XVI–XVIII вв.» пришел к заключению, что «такой порядок вещей облегчает и законодательному собранию бдительный контроль над исполнительной властью: являясь постоянно в его среде, министры всегда на виду у народных представителей и всегда могут подвергнуться запросу относительно своих действий»¹⁴. «Именно эта зависимость министров от парламентского большинства обеспечивает в Англии правильное течение политической жизни соответственно общественному мнению страны и указаниям ее представителей». Вследствие этого историк права сделал вывод, что «только односторонним увлечением принятой теорией можно объяснить, почему Монтескьё, забывая об английской действительности, требует, чтобы министры не выбирались из парламентской среды, между тем как в этом именно и состоит сущность английского устройства»¹⁵. В этой связи Б.А. Кистяковский вполне обоснованно утверждал, что «в настоящее время как идея, так и само учреждение народного представительства сделались всеобщим достоянием. Практически это выразилось в том, что английские государственные учреждения были заимствованы всеми политически развитыми народами и превратились в неотъемлемую принадлежность современных культурных государств»¹⁶.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Новгородцев П.И. Конспект к лекциям по истории философии права. С. 155.

¹⁴ Новгородцев П.И. Учения Нового времени XVI–XVIII вв. С. 174–175.

¹⁵ Новгородцев П.И. Учения Нового времени XVI–XVIII вв. С. 175.

¹⁶ Кистяковский Б.А. Государственное право (общее и русское) // Избранное : в 2 ч. Ч. 2. М. : РОССПЭН, 2010. С. 188.

Его коллега В.М. Гессен, в свою очередь, отмечал, что «историческое значение теории Монтескьё заключается не столько в выяснении существа народного представительства, сколько в доказательстве его необходимости, предпочтительности его перед непосредственным народовластием. Теория Монтескьё является апологией представительного строя». Сама идея народного представительства, по мнению Гессена, «впервые сознательно формулируется философией XVIII века; она воплощается в жизнь Учредительным собранием Франции 1789 года»¹⁷. Вместе с тем, как полагал Е.Н. Трубецкой, «неприменимая в чистом виде теория разделения властей, исправленная позднейшей конституционной практикой, лежит в основе всех европейских культурных государств. Она составляет краеугольный камень политической свободы, с отнятием коего все здание рушится»¹⁸.

Переходя к исследованию идей другого великого писателя XVIII века, Ж.-Ж. Руссо, оказавшего непосредственное влияние на формирование французской государственности, Новгородцев указывал на тот факт, что «Руссо произнес великое слово — «нация», национальное объединение; это и было то новое, что внес Руссо»¹⁹. Сейчас нельзя себе представить, чтобы, не основываясь на идее национального объединения, возможно было бы вывести другую великую идею — идею народного суверенитета. Основные принципы народного суверенитета, по мнению Новгородцева, «с блеском и гениальностью были изложены в теории Руссо»²⁰. Однако, как он далее справедливо заметил, «эта теория имела и свои недостатки, и XIX век, который можно назвать веком критики, анализа и рефлексии, внес в нее целый ряд поправок»²¹. По этой причине важно будет заметить, что, по мысли Новгородцева, требования французских наказов 1789 года были первым опытом «применения идеи народной воли»²².

«Первый же опыт ее применения давал новое освещение самому существу этой идеи, — писал Новгородцев, — наказания 1789 года ясно обнаруживают, что независимо от своего положительного содержания, независимо от раскрытия этого содержания в определенных требованиях момента идея народной воли представляет собою могущественную критическую и оппозиционную силу». Далее историк права пришел к заключению, что «весь существующий строй был поставлен пред судом идеи народа, и об эту идею последовательно разбивались все старые учреждения. Но если всем наказаниям приходилось апеллировать к этой идее и во имя ее отвергать старые учреждения, то не все они сходились в указании путей нового строительства и в определении способов выражения народной

¹⁷ Гессен В.М. Основы конституционного права / Изд. юрид. кн. склада «Право». 2-е изд. Пг., 1918. (Типолитограф. т-ва А.Ф. Маркс). URL : <http://constitution.garant.ru/science-work/pre-revolutionar/5148630/chapter/2/> (дата обращения : 06.05.2014).

¹⁸ Трубецкой Е.Н. Труды по философии права. СПб. : Изд-во РХГИ, 2001. С. 223.

¹⁹ Новгородцев П.И. Конспект к лекциям по истории философии права. С. 156.

²⁰ Там же. С. 170.

²¹ Там же. С. 170–171.

²² Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. С. 37.

воли. Историческое прошлое Франции не выработало на этот счет никаких определенных начал»²³. Безусловно, при таком раскладе вещей может возникнуть незримое, но существенное противоречие между политическим прошлым Французского королевства и правосознанием французского общества середины — конца XVIII века.

Разбирая практическое воплощение идеи народной воли, Новгородцев обращал внимание на один важный практический результат, оказывавший непосредственное влияние на любые дальнейшие попытки преобразовать французские государственные органы власти. Из-за «невозможности видеть в каком-либо лице или собрании подлинное и бесспорное выражение этой воли, находящейся в постоянном процессе своего образования, следовало не связывать ее непосредственно с каким-либо органом, приписывая ему свойство непогрешимости, а только обеспечить процесс свободного образования этой воли и свободного ее выражения». Вместе с тем «дальнейшая история Франции показала, что народное представительство, даже при условии несовершенной избирательной системы, может явиться действительным выражением голоса народа, если оно не встречает к этому внешних препятствий. Генеральные штаты 1789 г., избранные на старых феодальных основаниях, превратились в подлинное Национальное собрание, которое призвано было провозгласить начала возрождения Франции и не одной Франции. Таков был мощный зов времени, такова сила объективной логики событий, что собрание умело отыскать в своем творчестве народную волю, открывая тайники ее и для себя, и для самого народа»²⁴.

В этой связи интересным представляются замечания П.И. Новгородцева о народной воле, которая познается «в искании и творчестве, ибо воля это не есть готовый факт, а лишь задача или руководящая норма, которая в своем положительном содержании нередко оказывается загадкой, уравнением со многими неизвестными, таинственной и неопределенной величиной»²⁵. По его справедливому утверждению, «таков был результат, который можно было вывести из затруднений и противоречий французских наказов, поставивших своей целью согласовать свои заявления с требованиями народной воли»²⁶, так как «наказы составляли лишь программу для будущего устройства Франции и идея народной воли могла еще сохраниться в них в своей теоретической неприкосновенности. Иную задачу представляло действительное осуществление предложенного переустройства: здесь-то и должна была обнаружиться положительная сила руководящего начала»²⁷.

Разбирая влияние идей Ж.-Ж. Руссо, П.И. Новгородцев доказывал, что «доктрина революции, во всех стадиях ее развития, все равно будем ли мы брать 89-й год или 93-й, Национальное собрание или Конвент, не есть доктрина Руссо».

²³ Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. С. 38.

²⁴ Там же. С. 43.

²⁵ Там же. С. 43–44.

²⁶ Там же. С. 44.

²⁷ Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. С. 61.

По мнению историка права, во французской революционной доктрине встретились два противоречащих принципа, а именно: «принцип неотчуждаемых прав личности и принцип представительства»²⁸. Так, по справедливому замечанию его коллеги, Е.Н. Трубецкого, «противоречия учения Руссо наглядным образом отразились в самой революции, в деятелях Конвента, которые проводили на практике его начала. Во имя свободы они создали систему террора, а его массовыми казнями идея равенства выродилась у них в жестокий демократический деспотизм»²⁹. Ведь вся система Ж.-Ж. Руссо по Новгородцеву была по сути «принципиальным отрицанием неотчуждаемых личных прав, подобно тому, как эти права принципиально исключали абсолютное народовластие»³⁰. Между тем «Французская революция провозгласила одновременно и то, и другое: и народный суверенитет, и неотчуждаемые права личности»³¹.

Интересно отметить, что для Новгородцева «более существенным — в смысле влияния на переустройство государственных учреждений — является тот ряд ограничений и поправок, который вытекает из идеи представительства. И в этом отношении теоретики революционной эпохи склонны были сближать начала, по существу различные и даже противоречивые», и «если главным основанием для преобразования доктрины народного суверенитета были практические условия жизни, то теоретической санкцией этого преобразования было учение Монтескьё»³². В конце концов, «из взаимодействия этих двух различных учений образовалось некоторое среднее учение, которое и было настоящей доктриной революции. Теоретическими представителями его являются, если угодно, Мабли и Сиейес, но ни в каком случае не Руссо и не Монтескьё. Мабли и Сиейес заимствовали отдельные элементы для своих учений одинаково у Монтескьё и Руссо, но они сочетали эти элементы таким образом, что получилось действительно нечто новое и единое. В этом смысле справедливо говорят о единстве революционной доктрины»³³. Таким образом, историк права пришел к выводу, что своеобразное сочетание теорий Ш.Л. Монтескьё и Ж.-Ж. Руссо составило сущность французской революционной доктрины.

В то же время Гессен писал: «Новгородцев цитирует мнение Шампиона, справедливо утверждающего, что XVIII век был склонен скорее сближать, чем противопоставлять Руссо и Монтескьё»³⁴. Задаваясь вопросом, каким же образом при взаимодействии двух существенно различных учений могло образоваться, по выражению профессора Новгородцева, «некоторое среднее учение», которое и явилось настоящей доктриной революции, Гессен, как и Новгородцев, полагал, что «у Монтескьё политическая мысль революционной Франции заимствует его

²⁸ Там же. С. 65.

²⁹ Трубецкой Е.Н. Труды по философии права. С. 230.

³⁰ Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. С. 65.

³¹ Там же. С. 65–66.

³² Там же. С. 66.

³³ Там же. С. 67.

³⁴ Гессен В.М. Основы конституционного права.

глубокое убеждение в необходимости и спасительности представительных учреждений; у Руссо — воззрение на народное представительство как на представительство народное, в собственном смысле этого слова. Депутаты — комиссары и слуги “*volonte generale*”, — этот лозунг революции является лозунгом Руссо. Из элементов учения Монтескьё и Руссо революционная эпоха создает современную теорию народного представительства»³⁵. Историк права вполне обоснованно утверждал, что «Рикер отцом этой теории называет Сийеса; с таким же основанием он мог бы им назвать и Мирабо, и Баррера», но гораздо важнее то, что «не в германских лесах, как полагал Монтескьё, а в учредительных собраниях революционной Франции возникает и складывается теория народного представительства, господствующая до наших дней»³⁶.

Исследуя французскую революционную доктрину, Новгородцев указывал на то, что «высшим принципом, как и у Руссо, здесь остается начало общей или народной воли. То священное и непререкаемое значение, которое придается этой воле, ясно показывает, что это понятие взято в данном случае у пламенного пророка народной воли Руссо. Но по вопросу о том, кто и как должен выражать народную волю, учение Мабли и Сийеса решительно склоняется в сторону Монтескьё»³⁷. Попутно историк права отмечал тот факт, что «они удержали в качестве верховного лозунга идею Руссо — понятие народного суверенитета, общей воли народа, но органом выражения общей воли, согласно учению Монтескьё, повинаясь практическим условиям жизни, они признали народное представительство. От Монтескьё они взяли его практическую идею, но с этой идеей они соединили веру Руссо в непогрешимость и правду народной воли»³⁸. Таким образом, как писал Гессен, цитируя Э. Шампиона, “их ученики не образовывали двух школ, но соединились в одну, в которой обоим учителям воздавались равные похвалы... во все моменты революции их называли рядом как авторитеты, между которыми царит совершенное согласие”³⁹. Более подробно данный научный взгляд на взаимопроникновение и сочетание отдельных положений учений Ж.-Ж. Руссо и Ш.-Л. Монтескьё был изложен Новгородцевым в работе «Кризис современного правосознания»⁴⁰.

Исходя из предположения, что идея народа была выведена из доктрины естественного права, Гессен заключал, что сама «теория народного суверенитета — суверенитета, осуществляемого народом как целым, чрез посредство уполномоченных им представителей, органически чужда исторической действительности до-революционной эпохи». Как он далее справедливо заметил, «не подлежит никакому сомнению, что выборное представительство предшествующих исторических эпох — групповое, сословное и территориальное — является представитель-

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. С. 69.

³⁸ Там же. С. 75.

³⁹ Гессен В.М. Основы конституционного права.

⁴⁰ Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. С. 81–113.

ством по уполномочию (мандату), аналогичным частноправному представительству; но оно не является представительством народным»⁴¹. И, по мнению Новгородцева, неудивительно, что «такой принципиальный взгляд на доктрину права предопределил весь ход решений по вопросу об императивных мандатах, которые были в конечном итоге отменены Национальным собранием декретом от 22 декабря 1789 года». После этого Национальное собрание укрепилось в значении и авторитете, смогло воспринять себя «единственным уполномоченным органом общей воли»⁴².

Так, по мнению Гессена, вместе с принятием закона от 22 декабря 1789 года, заменившего «историческое деление Франции на провинции новым и искусственным делением на департаменты», «теория народного представительства... воплощается в жизнь». По мнению нашего философа права, закон давал исчерпывающую характеристику всей представительной системе. Так, «согласно ст. 8 закона, представители, избираемые в Национальное собрание по департаментам, должны быть рассматриваемы не как представители отдельного департамента, а как представители совокупности департаментов, то есть всего народа. Согласно ст. 34 того же закона, единственным титулом прав представителей народа является акт их избрания. Свобода их мнения не может быть стеснена никаким партикулярным мандатом. Первичные собрания избирателей имеют право непосредственно обращаться к законодательному корпусу со своими петициями и инструкциями, о которых они желают поставить его в известность». Кроме того, по взгляду Гессена, «Французская конституция 1791 г. устанавливает то же начало: представители, избираемые в департаментах, являются не представителями отдельных департаментов, а всего народа; им не может быть даваемо никаких мандатов. Аналогичные постановления мы находим и в конституциях 1793 г. и 1795 г., и в позднейшей конституции 1848 г.»⁴³.

С.А. Котляревский считал, что такое представление о представительстве, исключаящее сам вопрос об императивных мандатах, «стало аксиомой, признанной всеми европейскими конституциями, которые не считают нужным даже упоминать о нем»⁴⁴. Так, по выражению Гессена, «под влиянием французских образцов аналогичная теория народного представительства формулируется в многочисленных конституциях как более раннего происхождения, так и действующих в настоящее время. В сущности, на той же точке зрения стоят конституции, уклоняющиеся от провозглашения теоретических принципов: повсеместно встречающееся воспрещение обязательных мандатов, по своему историческому происхождению, является выводом из общей концепции народного представительства, господствующей в революционную эпоху». В этой связи правомерна его мысль о том, что «с точки зрения, господствующей со времени Французской революции, народное представительство является мандатарием народа: его воля — воля

⁴¹ Гессен В.М. Основы конституционного права.

⁴² Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. С. 77–78.

⁴³ Гессен В.М. Основы конституционного права.

⁴⁴ Котляревский С.А. Конституционное государство. Власть и право // Избр. труды. М. : РОССПЭН, 2010. С. 56.

народа. Закон, как выражение общей воли, *volonte generale*, господствует над «частными волями» отдельных органов государственной власти» и отсюда небольшой шаг к тому культу закона, «с которым мы встречаемся в эпоху Французской революции. Закон и правительственное распоряжение рассматриваются как акты — по самому своему происхождению — неизмеримой величины; различие их источника обуславливает различную степень их значения и силы»⁴⁵.

Вместе с тем начала представительства декларировались в текстах конституций исследуемой эпохи, а воля народных представителей отождествлялась с волей всех граждан страны. Так, Новгородцев, обратившись к этим текстам, подчеркивал, что в Декларации прав человека и гражданина, вошедшей в Конституцию 1791 года, в статье 6 говорится: «Закон есть выражение общей воли. Все граждане имеют право участвовать в его образовании или лично, или через своих представителей». Такие же определения содержатся в Конституции 1793 года (статья 26 Декларации прав) и в Конституции 5 фрюктидора III года республики. В последней с особенной ясностью высказывается положение, что «закон есть общая воля, выраженная большинством или граждан, или их представителей» (ст. 6)». Однако, по мысли историка права, «помимо таких положительных утверждений, уравнивающих права представителей с правами всего народа, в конституциях революционной эпохи содержатся и утверждения отрицательного характера, содержащие указания, что народ «не может законодательствовать иначе, как через своих представителей»». Помимо всего прочего, Новгородцев указывал, что «в одной из статей Конституции 1791 года говорится: «Нация, от которой одной исходят все власти, не может пользоваться ими иначе, как через делегацию». И далее в следующей статье: «Законодательная власть делегирована Национальному собранию, составленному из представителей»⁴⁶. В результате можно вполне обоснованно предположить, что закономерными последствиями установления такого доминирующего положения представительного учреждения в системе государственных органов стали неизбежные конфликты интересов и кровопролитная борьба за власть среди парламентариев, что в конечном счете приводило к всемогуществу захватывавших власть групп лиц и выливалось в беспощадную тиранию закона.

Гармоничные схемы просветителей XVIII века, отталкиваясь от идеи механистического восприятия личности, были проникнуты убеждением о том, что «правильно найденная общая воля будет убедительной и приемлемой для всех как общий закон каждого разумного существа»⁴⁷. Считая идею народного суверенитета главным содержанием Французской революции, Новгородцев полагал, что «для практики, как и для теории правового государства, идея народного суверенитета представляла центральный движущий нерв, живую душу всех выводов и построений. Гармонический образ этой идеи, жившей в сердцах прежних практиков и теоретиков, сообщал соответствующую гармонию и всему представлению

⁴⁵ Гессен В.М. Основы конституционного права.

⁴⁶ Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. С. 80.

⁴⁷ Там же. С. 259–260.

о правовом государстве, ставил для него ясную и понятную цель»⁴⁸. Так, «Камиль Демулен, находившийся под непосредственным обаянием веры в народный суверенитет, нашел счастливое выражение для этой веры, когда по одному частному поводу он заметил: “народ высказался: этого достаточно; никакие возражения, никакое veto невозможны против его суверенной воли. Его воля всегда законна: это — сам закон”»⁴⁹.

Близкой точки зрения придерживался С.А. Котляревский, утверждая, что Французская революция «была, так сказать, проникнута мыслью о народном суверенитете: монархическая власть и сословные привилегии стали представляться как бы узурпациями народного права, которого не может погасить никакая историческая давность»⁵⁰. По его мнению, «все законодательные акты издавались во имя суверенитета. Конституция 1791 г., перечисляя “права человека и гражданина”, утверждает: “Принцип всякого суверенитета остается, по существу, у нации. Никакая корпорация, никакой отдельный человек не могут осуществлять власти, которая не вытекала бы от народа”. Это повторяет и проект конституции жирондистов 1793 г. (§ 26 etc.), и выработанная Конвентом конституция 24 июля 1793 г. (§ 25), и конституция III г., которая уже знаменует собой начало реакции»⁵¹.

Развивая свою мысль, Котляревский указывал на «недоверие к революционным принципам» и «это недоверие возрастает в конституции VIII г., которая снизу желает получить лишь “доверие”. Понятно, что в этой конституции не говорится о народном суверенитете, как и в законодательных актах империи Наполеона: последний подверг вопрос о своей власти плебисциту, как бы признавая окончательное ее утверждение за нацией; но эта народная санкция постепенно стиралась, и империя “волей народа” превращалась в “империю доброй милостью”»⁵². Разочарование в революционных принципах и последующая концентрация власти приводили к перерождению власти, что в конечном счете вызывало неотвратимую сакрализацию власть предержащих. После того, как, согласно статье 1 сенатус-консульта XII года⁵³, Наполеон стал императором французов, во Франции было развито «учение о божественном происхождении власти императора», что четко прослеживается на страницах «в знаменитом катехизисе, который был при Наполеоне введен во французские школы и где обязанности граждан относительно императора приравниваются к их обязанностям относительно Бога»⁵⁴.

Тем не менее, как замечал историк права, «в эпоху ста дней, начиная свою последнюю борьбу, Наполеон был готов опять вспомнить о правах народного

⁴⁸ Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. С. 19.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Котляревский С.А. Конституционное государство. С. 42–43.

⁵¹ Там же. С. 43.

⁵² Там же.

⁵³ Sénatus-consulte organique du 28 floréal an XII (18 mai 1804). URL: <http://www.assemblee-nationale.fr/histoire/constitutions/constitution-de-l-an-12.asp> (дата обращения: 12.04.2014).

⁵⁴ Котляревский С.А. Конституционное государство. С. 43.

суверенитета и объявить себя его делегатом: составленный Бенжаменом Константом “дополнительный акт” (Acte additionnel) представляет программу нового политического порядка, вводимого императором. Хотя он и не признает прямо принципа народного суверенитета, но исходит из предположения, что источником власти является “французский народ”, который может связывать и представителей, и правительство известными условиями». И пускай «торжество Бурбонов изгнало этот принцип из государственного устройства, но не из общественного сознания»⁵⁵. Так, например, в январе 1832 года возникли прения после доклада в палате депутатов одного из министров, использовавшего в своей речи термин “sujet” вместо “citoyen”. В результате, как подчеркивал В.М. Гессен, в протестном заявлении, «составленном Одиллоном Барро и подписанном 165 депутатами», было указано «на несовместимость понятия подданного с принципом народного суверенитета; депутаты считают себя обязанными громко протестовать “contre des qualifications qui tendraient a dénaturer le nouveau droit public français”»⁵⁶. Таким образом, по заключению Котляревского, в результате длительной борьбы и смены политических режимов «Франция стала образцом для подражания новых политических организаций, основывавшихся на народном суверенитете»⁵⁷.

С одной стороны, как полагал С.А. Котляревский, «народный суверенитет есть предпосылка господства права, предпосылка, вполне признанная французским государственным строем; этот принцип является мерилем для отдельных учреждений и их функций»⁵⁸. Подобной точки зрения придерживался П.И. Новгородцев, отмечая, что «со времени Французской революции и до наших дней в референдуме видят полное воплощение идеи народного суверенитета, и притом не только юридическое и формальное, а фактическое и реальное»⁵⁹. С другой стороны, «уже тогда народный суверенитет из возможного факта был превращен в абстрактную идею и вместо юридической силы получил лишь нравственное значение»⁶⁰. Между тем, по мысли Новгородцева, сама «Декларация прав стояла в несомненном противоречии с идеей народного суверенитета, но это противоречие оставалось незамеченным». Как далее констатировал историк права, «значение Токвиля заключается в том, что он расчленил идеи, представлявшиеся слитными, и, не отрицая ни демократии, ни демократической теории, внес в нее необходимые ограничения»⁶¹. Неудивительно, что резюмируя взгляды А. де Токвиля, Новгородцев заключал, что «те законы, под которыми хотел жить Токвиль, должны были прежде всего следовать справедливости и охранять права личности против

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Гессен В.М. Основы конституционного права.

⁵⁷ Котляревский С.А. Конституционное государство. С. 45.

⁵⁸ Там же. С. 336.

⁵⁹ Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. С. 172.

⁶⁰ Там же. С. 241.

⁶¹ Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. С. 234.

неограниченной власти, кому бы она ни принадлежала»⁶², так как «ограничения общей воли и принципа большинства» требуются «во имя человеческой личности»⁶³. В итоге Новгородцев снова пришел к заключению, что «творцы Деклараций провозглашали в одно и то же время и верховенство народной воли, и неотчуждаемость личных прав, не замечая противоречия в этом одновременном провозглашении» и показывали, что они «не сознавали всей практической важности возведенных ими идей»⁶⁴.

Как мы видим, в целом политическая элита французского общества конца XVIII века разделяла ту точку зрения Ш.-Л. Монтескье, согласно которой власть должна быть непременно не только разделена, но и, по выражению Новгородцева, «обособлена одна от другой»⁶⁵. На примере событий во Франции в конце XVIII — начале XIX столетий Новгородцев доказал, что в результате столь строгого обособления исполнительной и законодательной ветвей власти неизбежен конфликт интересов, провоцирующий борьбу за власть между государственными органами. В обоих приведенных Новгородцевым случаях борьба за власть велась не правовыми способами и средствами, так как не было предусмотрено каких-либо судебных механизмов для конституционного контроля. К тому же эти два примера служат еще одним убедительным доказательством несводимости теории и практики в чистом виде.

Безусловно, в своих проектах по учреждению нового государственного строя на рубеже XVIII–XIX столетий французские революционеры отталкивались от идеи народного представительства, пришедшей во Францию с берегов Англии. Мы вполне разделяем точку зрения В.М. Гессена о том, что «историческое значение теории Монтескье заключается не столько в выяснении существа народного представительства, сколько в доказательстве его необходимости, предпочтительности его перед непосредственным народовластием»⁶⁶. Вслед за Кистяковским подчеркнем еще раз тот факт, что само учреждение народного представительства стало неотъемлемой «принадлежностью современных культурных государств», то есть обязательным атрибутом практически любой современной политико-правовой системы, как это и было записано в статье 21 Всеобщей декларации прав человека⁶⁷.

Нам представляется верной мысль Новгородцева о непосредственной взаимозависимости идей Ж.-Ж. Руссо о нации, национальном объединении и народном суверенитете. Сейчас трудно себе представить, чтобы, не основываясь на идее национального объединения, возможно было бы вывести другую великую

⁶² Там же. С. 236.

⁶³ Там же. С. 237.

⁶⁴ Там же. С. 256–257.

⁶⁵ Новгородцев П.И. Конспект к лекциям по истории философии права. С. 154.

⁶⁶ Гессен В.М. Основы конституционного права.

⁶⁷ Всеобщая декларация прав человека. URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr (дата обращения: 12.04.2014).

идею — идею народного суверенитета. Тем не менее, уже первый опыт применения идеи народной воли убедительно показал, что эта идея динамична и находится в постоянном процессе образования, не может непосредственно быть привязана к какому-либо институту власти и не обладает качеством непогрешимости. Выявляя основные черты французской революционной доктрины, Новгородцев указывал на практическую несовместимость двух основополагающих принципов, провозглашенных революцией, так как, бесспорно, вся система Ж.-Ж. Руссо была «принципиальным отрицанием неотчуждаемых личных прав, подобно тому, как эти права принципиально исключали абсолютное народовластие»⁶⁸. Противоречия догматов философского учения Ж.-Ж. Руссо, по справедливому замечанию Е.Н. Трубецкого, отразились в деятельности Конвента, проводившего на практике его начала»⁶⁹. Сама французская революционная доктрина представляла собой не простое механистическое сочетание идей Ш.-Л. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо, а несла в себе, по мысли представителей школы «возрожденного естественного права», вполне самостоятельные начала. Как считал Гессен, в эпоху революции возникла и сложилась современная теория народного представительства⁷⁰.

Анализируя положения декрета от 22 декабря 1789 года, Гессен и Новгородцев обоснованно доказывали тот факт, что сама политика права Национального собрания была направлена на укрепление авторитета Собрания и благоприятствовала выработке новых взглядов на доктрину права. Так, частнопроводные представительства отменялись и теряли силу, а современная теория народного представительства, по справедливому замечанию Котляревского, полностью исключила вопрос об императивных мандатах⁷¹. По мнению Гессена, народное представительство, являясь мандатарием народа, стало воспринимать себя выразителем общей воли и посредством выработки, принятия и издания законов выражать его волю⁷². Как результат, еще одним последствием установления во Франции народного представительства можно считать последовавшее затем различие в значении и силе актов, принимаемых законодательными и исполнительными органами власти, что способствовало утверждению культа закона. Кроме того, стоит заметить, что после установления доминирующего положения представительного учреждения в системе государственных органов Франции, последовали неизбежные конфликты интересов и кровопролитная борьба за власть, что приводило к установлению неограниченной власти и выливалось в беспощадную тиранию закона.

Разочарование в революционных принципах и последующая концентрация власти способствовали перерождению последней власти, что в конечном счете стимулировало кампанию по сакрализации власти предрержащих. Наступление и отказ де-юре от принципа народного суверенитета в эпоху реакции, начиная с Конституции VIII года, не спровоцировали полного стирания его из памяти французской

⁶⁸ Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. С. 65.

⁶⁹ Трубецкой Е.Н. Труды по философии права. С. 230.

⁷⁰ Гессен В.М. Основы конституционного права.

⁷¹ Котляревский С.А. Конституционное государство. С. 56.

⁷² Гессен В.М. Основы конституционного права.

нации. Де-факто он сохранился в сознании французов, что было наглядно выявлено во время прений в 1832 году по поводу употребления термина "sujet" и указаний французских парламентариев на несовместимость этого понятия с принципом народного суверенитета. Таким образом, можно согласиться с мнением С.А. Котляревского о том, что «Франция стала образцом для подражания новых политических организаций, основывавшихся на народном суверенитете»⁷³. Тем не менее, как указывал Новгородцев, уже в эпоху Французской революции народный суверенитет «из возможного факта был превращен в абстрактную идею и вместо юридической силы получил лишь нравственное значение»⁷⁴.

Еще одним обстоятельством, непосредственно повлиявшим на установление идеи народного суверенитета во Франции, стало принятие Декларации прав человека и гражданина 1789 года, которая, как замечал Новгородцев, «стояла в несомненном противоречии с идеей народного суверенитета»⁷⁵. Поправление прав человека во имя народного суверенитета в эпоху Французской революции, пожалуй, самое негативное явление, которое может быть порождено из благого стремления к свободе. По этой причине следует подчеркнуть, что первым, кто не только обратил внимание на это противоречие, но предложил способы преодоления конфликта двух правовых идей, был А. де Токвиль⁷⁶, который, согласно Новгородцеву, «не отрицая ни демократии, ни демократической теории, внес в нее необходимые ограничения»⁷⁷ во имя свободной человеческой личности.

Таким образом, как мы видим, французская революционная доктрина была вполне самостоятельной доктриной права, включала в себя оригинальную переработку наследия просветителей, заложила новые подходы к пониманию сути и содержания современной модели организации представительной власти. Более того, некоторые политико-правовые принципы и идеи, опробованные де-факто в годы революции, показали либо свою непригодность, либо свою ограниченность в применении. Однако именно со времен Французской революции можно говорить об утверждении идеи закона, то есть разграничении в значении и силе актов, принимаемых законодательными и исполнительными органами власти. В то же самое время именно установление доминирующего положения представительных учреждений в системе государственных органов приводило к возникновению феномена неограниченной власти и выливалось в беспощадную тиранию закона, а позднее привело к отказу от демократических завоеваний Французской революции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr (дата обращения: 12.04.2014).

⁷³ Котляревский С.А. Конституционное государство. С. 45.

⁷⁴ Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. С. 241.

⁷⁵ Там же. С. 234.

⁷⁶ Токвиль Алексис де. Демократия в Америке. М. : Прогресс, 1992. С. 481–505.

⁷⁷ Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. С. 234.

2. Гессен, В.М. Основы конституционного права [Электронный ресурс] / изд. юрид. кн. склада «Право». — 2-е изд. — Пг., 1918. (Типолитограф. т-ва А.Ф. Маркс). — Режим доступа : <http://constitution.garant.ru/science-work/prerevolutionar/5148630/-chapter /2/> (дата обращения: 06.05.2014).
3. Гордон, А.В. Великая французская революция в советской историографии [Текст]. — М. : Наука, 2009. — 380 с.
4. Кистяковский, Б.А. Государственное право (общее и русское) [Текст] // Избранное : в 2 ч. — Ч. 2. — М. : РОССПЭН, 2010. — 376 с.
5. Котляревский, С.А. Конституционное государство. Власть и право [Текст] // Избранные труды. — М. : РОССПЭН, 2010. — 704 с.
6. Новгородцев, П.И. Конспект к лекциям по истории философии права [Текст]. — М., 1908. — 246 с.
7. Новгородцев, П.И. Кризис современного правосознания [Текст]. — М., 1909. — 395 с.
8. Новгородцев, П.И. Учения Нового времени XVI–XVIII вв. [Текст] / Изд. магазина «Книжное дело». — М., 1904. — 188 с.
9. Токвиль, А. де. Демократия в Америке [Текст]. — М. : Прогресс, 1992. — 554 с.
10. Трубецкой, Е.Н. Труды по философии права [Текст]. — СПб. : Изд-во РХГИ, 2001. — 543 с.
11. Чудинов, А.В. Французская революция: история и мифы [Текст]. — М. : Наука, 2007. — 307 с.
12. Sénatus-consulte organique du 28 floréal an XII (18 mai 1804) [Electronic resource]. — Access mode: <http://www.assemblee-nationale.fr/histoire/constitutions/constitution-de-l-an-12.asp> (date of access: 12.04.2014).

REFERENCES AND ELECTRONIC RESOURCES

1. Chudinov, A.V. Frantsuzskaya revolyutsiya: istoriya i mify [The French Revolution: History and Myths]. — М. : Science, 2007. — 307 p.
2. Gessen, V.M. Osnovy konstitutsionnogo prava [Basics of Constitutional Law] / Law book warehouse “Right”. — 2nd ed. — Petrograd, 1918.
3. Gordon, A.V. Velikaya frantsuzskaya revolyutsiya v sovetskoy istoriografii [The French Revolution in the Soviet historiography]. — М. : Science, 2009. — 380 p.
4. Kistyakovskiy, B.A. Gosudarstvennoye pravo (general and Russian) [State Law] // Favorites: in 2 parts. — М. : ROSSPEN, 2010. — 376 p.
5. Kotlyarevskiy, S.A. Konstitutsionnoye gosudarstvo. Vlast' i pravo [The constitutional state. Power and law] // Favorites. — М. : ROSSPEN, 2010. — 704 p.
6. Novgorodtsev, P.I. Konspekt k lektsiyam po istorii filosofii prava [Summary of the lectures on the history of the philosophy of law]. — М., 1908. — 246 p.
7. Novgorodtsev, P.I. Krizis sovremennogo pravosoznaniya [The crisis of the modern sense of justice]. — М., 1909. — 395 p.
8. Novgorodtsev, P.I. Ucheniya Novogo vremeni XVI–XVIII vv. [Teachings of the New Age XVI–XVIII vv.] / The publication of the shop “Book Publishing”. — М., 1904. — 188 p.
9. Sénatus-consulte organique du 28 floréal an XII (18 May 1804). [Electronic resource]. — Access mode: <http://www.assemblee-nationale.fr/histoire/constitutions/constitution-de-l-an-12.asp> (date of appeal: 12.04.2014)

10. The Universal Declaration of Human Rights [Electronic resource]. — Access mode : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr (date of appeal: 12.04.2014).
11. Tokvil', A. de. Demokratiya v Amerike [Democracy in America]. — M. Progress, 1992. — 554 p.
12. Trubetskoy, E.Ė. Trudy po filosofii prava [Works on philosophy of law]. — SPb. : Publishing house RKhGI, 2001. — 543 p.

A.N. Lentikov

RUSSIAN SCHOOL OF NATURAL LAW ABOUT THE ESSENCE OF FRENCH REVOLUTIONARY DOCTRINE

The paper treats the essence and the propositions of French revolutionary doctrine. The paper focuses on the influence the revolutionary illuminators' ideas had on the concept of law. The paper analyzes the theoretical prerequisites for struggle for power in revolutionary France. The paper traces the connection between national unification, national sovereignty and people's government. The paper also focuses on the issue of conflicting principles of democracy.

French revolution, national sovereignty, national unification, people's rights and freedoms, theory of people's government, free expression of popular will.